

СОВРЕМЕННЫЙ ПОСТМОДЕРНИЗМ В ПРОЗЕ И ДРАМЕ

УДК 821.161.1-311.6(Бояшов И.). DOI 10.51762/1FK-2023-28-01-11. ББК Ш33(2Рос=Рус)64-8,444
ГРНТИ 17.07.29. Код ВАК 5.9.1

МИФОЛОГИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В РОМАНЕ И. БОЯШОВА «ТАНКИСТ ИЛИ “БЕЛЫЙ ТИГР”»

Лобин А. М.

Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6885-0963>

Аннотация. Объектом исследования в данной статье является система персонажей в романе И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”». Это произведение представляет собой типичный образец нового направления военно-исторической прозы в русской литературе начала XXI века, которое вызывает пристальное внимание многих исследователей. Обзор научной и критической литературы по избранной теме позволил определить состав произведений и жанровую специфику этого направления, а также оценить место, которое занимает в нем роман И. Бояшова. Критики отмечают сложное сочетание фантастического сюжета и исторической точности описания реалий Великой Отечественной войны. Литературоведы в свою очередь указывают на преобладание мистико-фантастической составляющей и другие многочисленные демонстративные несоответствия поэтики романа традиционным признакам военно-исторической прозы. В итоге преобладает мнение, что «Танкист или “Белый тигр”» является «романом-фэнтези».

В ходе предложенного исследования была рассмотрена поэтика названного произведения и определена его жанровая специфика. Основным интерес представляют мифологические и фантастические средства репрезентации авторской концепции. В ходе работы оценена степень исторической точности изображения Великой Отечественной войны И. Бояшовым; проанализирован сюжет этого произведения; дана характеристика наиболее значимых действующих лиц. Установлено, что автор выстраивает два параллельных сюжета: хроникальный военно-исторический сюжет, моделирующий ход второй половины Великой Отечественной войны, и архетипичный мифологический сюжет поединка Героя (Танкиста Найденова) с Чудовищем (танком «Белый тигр»). Принцип двойственности был положен и в основу системы персонажей, где исторические и вымышленные лица (типичные для романа исторического) соседствуют с Героем сказочным и гиперболизированными пародиями на некоторые штампы мифов исторических. Проведенная работа позволяет сделать вывод, что И. Бояшов создал постмодернистский исторический роман, в котором предпринята попытка идеологической и эмоциональной переоценки военно-исторического дискурса рубежа XX–XXI веков.

Ключевые слова: современная русская литература; военно-историческая проза; постмодернистский исторический роман; постмодернизм; исторические романы; Великая Отечественная война; мифологические средства

Для цитирования: Лобин, А. М. Мифология Великой Отечественной войны в романе И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”» / А. М. Лобин. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2023. – Т. 28, № 1. – С. XX–XX. – DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.

MYTHOLOGY OF THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE I. BOYASHOV'S NOVEL THE TANKMAN OR 'THE WHITE TIGER'

Aleksandr M. Lobin

Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-6885-0963>

Abstract. The paper investigates the system of characters in I. Boyashov's novel *The Tankman or 'The White Tiger'*. The book is part of a new trend in Russian military-historical fiction of the early 21st century. A review of academic and critical literature on the topic enabled the author to compile the list of books belonging to the trend and describe its genre specificity, as well as estimate the place of Boyashov's novel in it. Critics note a complex merge of a fantastic plot and historically accurate description of the realities of the Great Patriotic War. Literary researchers comment on the mystical fantastic component of *The Tankman* and multiple intentional deviations of its poetics from the canonic features of military-historical fiction, the prevailing opinion being that *The Tankman or 'The White Tiger'* is a fantasy novel.

The paper attempts to explore the poetics of the book and disclose its genre specificity, focusing mainly on mythological and fantastic means of representation of the author's concept. The author investigates and evaluates the degree of historical accuracy and attention to detail in Boyashov's depicting the War, analyses the plot of the book, and outlines the principal characters. Boyashov is found to have constructed two parallel plots: a chronical military-historical plot modelling the second half of the Great Patriotic War and archetypal mythological plot of the duel of the Hero (the tankman Naydenov) and the Beast (the White Tiger tank). The principle of duality is also laid at the basis of the system of characters, where historical and fictional characters, typical of a historical novel, are portrayed alongside the fairy-tale Hero and hyperbolic parodies on some historical myths clichés. Boyashov created a postmodernistic historical novel, which attempts at ideological and emotional re-evaluation of the military-historical discourse of the turn of the 20th – 21st centuries.

Key words: modern Russian literature; war historical fiction; postmodernist historical novel; postmodernism; historical novels; the Great Patriotic War; mythological means

For citation: Lobin, A. M. (2023). Mythology of the Great Patriotic War in the I. Boyashov's Novel *The Tankman Or 'The White Tiger'*. In *Philological Class*. Vol. 28. No. 1, pp. 120–132. DOI: 10.51762/1FK-2023-28-01-11.

В ряду современных произведений о Великой Отечественной войне роман И. Бояшова «Танкист или “Белый тигр”» привлек наибольшее внимание филологов. Практически все исследователи военно-исторического дискурса начала XXI века обращаются к этому произведению. Оно упоминается в вводной части диссертаций В. Б. Волковой «Концептосфера современной военной прозы» [Волкова 2014: 3] и Е. В. Задонской «Авторские стратегии в современной военной прозе» [Задонская 2017: 2]; Д. В. Аристов, анализируя русскую батальную прозу 2000-х годов, посвятил «Танкисту...» отдельный параграф [Аристов 2013]. Предварительный анализ этого романа в рамках обзорных исследований современной военной прозы представили Л. Н. Скаковская

[Скаковская 2015], Т. Н. Маркова [Маркова 2019] и Н. В. Ковтун [Ковтун 2020].

«Танкист или “Белый тигр”» был отмечен благожелательными рецензиями в журналах «Октябрь» [Кисель 2008], «Знамя» [Кузнецова 2008] и «Новый Мир» [Гликман 2009]. Его высоко оценил Л. Данилкин: «это... русский, петербургский, пушкинско-гоголевский-достоевский мотив... сделал из военной повести гофмановскую арабеску... Бояшов, по сути, сломал жанр об колено» [Данилкин 2009: 64].

Но далеко не все оценки были положительными, а в научном сообществе статус романа представляется достаточно сомнительным. С. И. Чупринин назвал его «экстравагантным» [Чупринин 2009], а В. А. Зубков обвинил автора в «фиктивно-фантазмагорическом изобра-

жении войны... Батальные подробности играют здесь роль экзотического сырья для занимательных фэнтези» [Зубков 2011]. Д. В. Аристов определил произведение И. Бояшова как «фэнтези о Великой Отечественной» и рассматривал его в параграфе «Великая Отечественная война в зеркале массовой культуры» [Аристов 2013: 18]; «романом-фэнтези о Великой Отечественной войне» в свою очередь назвала его и Т. Н. Маркова, поместившая его в «жанровый диапазон популярных текстов 2000-х годов», куда входят «вольные фантазии в мистическом духе, альтернативный вариант истории Великой Отечественной, постмодернистская историческая мелодрама, игровой кинематографический роман, роман-фэнтези, военно-фантастический экшн-боевик и т. п.» [Маркова 2019: 157]. Оценка «Танкиста...» именно как романа-фэнтези доминирует, хотя Н. В. Ковтун уточняет, что это роман «замаскированный под фэнтези, отчасти напоминающий компьютерную игру» [Ковтун 2020: 19].

Ситуация сложилась неоднозначная: с одной стороны, внимание литературоведов и критиков свидетельствует о высоком художественном уровне этого произведения и актуальности его дальнейшего исследования, с другой стороны, помещение его в сферу массовой культуры и формульной литературы, к которой традиционно относят жанр фэнтези, сужает понимание данного текста и вызывает сомнение в его ценности.

Возможно, используемый термин «фэнтези» (fantasy) не вполне уместен – он заимствован из зарубежной литературной культуры и достаточно многозначен (выделяют, например, фэнтези героическое, городское, историческое и т. д.). К этому жанру, как правило, относят тексты, не укладывающиеся в рамки традиционной научной фантастики (science fiction) или классической мистики (weird fiction). В данном случае исследователи указывают на несоответствие «Танкиста...» традиционным канонам военно-исторической прозы и наличие в нем мистико-фантастической составляющей: «понятие правды к нему неприменимо в принципе» [Зубков 2011], «писатель Бояшов создает сказочную, фантастическую фабулу, которая выглядит совершенно органичной на фоне описываемых событий»

[Скаковская 2015: 110]. Проблема жанровой идентификации «Танкиста...» усложняется также обилием историко-фантастических романов о войне, в том числе и о «попаданцах на Великую Отечественную войну», таких как «Зенитчик» В. Полищука, «Мы из будущего (Черные следопыты)» А. Звягинцева и многих других, создающих обширный фантастический контекст и размывающих критерии военно-исторической прозы [Маркова 2019: 156–157; Тагильцев 2020; Фрумкин 2016].

Вопрос о жанре произведения в данном случае принципиально важен не как критерий литературной иерархии или оценки таланта автора. Проблему, на наш взгляд, следует понимать шире. Названные исследователи рассматривали не один нетипичный роман, а группу произведений о войне, обладающих определенной спецификой. В этом ряду упоминаются, как правило, «Диверсант» А. Азольского (2002), «Спать и верить: блокадный роман» А. Тургенева (2007), «Степные боги» А. В. Геласимова (2008) и др. Оценка этой новой военной прозы неоднозначна: от «жанровых экспериментов в военной прозе» [Маркова 2019: 155] до «побочного ответвления на этом литературном дереве [современной военной прозы – А. Л.], увы, изначально мертворожденного» [Зубков 2011]. Здесь реализована новая литературная тенденция, актуальная для начала 2000-х годов: «временная дистанция, сделавшая Великую Отечественную войну недоступной для сопереживания новым поколением, предоставляет возможность для произвольных интерпретаций исторических событий, открывает простор для авторского воображения и художественного экспериментирования» – пишет Т. Н. Маркова [Маркова 2019: 155]. Исследуемый роман рассматривается как один из таких экспериментов.

Анализ сюжета и системы персонажей романа «Танкист или “Белый тигр”», представленный в данной статье, позволит лучше понять поэтику не только избранного произведения, но и тенденции развития современной военно-исторической прозы в целом. Цель работы: оценить соотношение реально-исторических и фантастических элементов в сюжете романа «Танкист или “Белый тигр”», проанализировать систему персонажей и

определить ее специфику, а также уточнить жанровую принадлежность произведения.

В исследовании авторской концепции истории в данном случае нет необходимости, так как И. Бояшов (историк по образованию) изложил ее в комментариях к своему роману, в которых не только описана эволюция танка «Т-34» и бронетехники в целом, но и даны характеристики военных операций и полководцев, а также общая оценка событий¹. Их анализ позволяет утверждать, что автор хорошо знает историю Великой Отечественной войны, а его отношение к ней носит сдержанный и объективный характер. Он не восхваляет Вермахт, не стремится превратить всю историю войны в обвинительный акт против советской власти, но и не пытается ее идеализировать.

Однако взгляды Бояшова-историка и замысел Бояшова-писателя заметно различаются: «захотелось создать именно сагу о войне... и обильно насытить ее мистикой. А сага и миф в истории всегда переплетаются с действительностью... вымысел я щедрым слоem “намазывал” на правду, постоянно сталкивая Ваньку и “тигра” с такими историческими персонажами, как Жуков, Катюков и Рыбалко, неустанно помещая героев в центры реальных сражений на реальных фронтах Великой Отечественной, отдавая себе полный отчет в том, что пишу легенду, а не исторический очерк – следовательно, имею право на неостановимую выдумку» – так объясняет свой замысел писатель [Бояшов 2016: 337–338]. Таким образом, художественная концепция автора совпадает с исторической только в самых общих чертах и нуждается в конкретизации.

В частности, следует отметить, что активной силой в мире И. Бояшова выступают именно танки: «в 41-ом советские танки ползли неуверенными толпами, поскуливая, как щенята, слепые и бестолковые – их целыми кучами неторопливо щелкали развеселые немецкие артиллеристы... В 42–43 были попытки маневра... Наглость и расчет, желание гнать и резать впервые явил изумленному Моделю знаковый 44! По германским

тылам осмысленно зарыскали, поначалу сотни, а затем уже тысячи машин. Ремонтники и хозяева едва поспевали за танками». В романе упомянуты практически все модели бронетехники, применявшиеся во Второй мировой войне, так что это роман не только о «тридцатьчетверке». Найденов успел повоевать, кроме нее, на канадском «валентайне», на американском «шермане», на английском «черчилле» и многих других моделях.

Более того, танки в этом мире одухотворены, они обладают собственной волей и способны общаться: «“тридцатьчетверки” и “ИСы” охватил настоящий азарт. Теперь уже истошно вопили “Pz T-III” и “Pz T-IV”, хваленые “пантеры” отползали в норы для того, чтобы там и подохнуть... Пробитые кошки угрюмо ожидали пленения» – так описывает Бояшов ход военных действий второй половины Великой Отечественной. Этот прием позволяет автору создать особый художественный «мир танков», с одной стороны, предельно реалистичный, с другой – чрезвычайно мифологизированный, так как танк, особенно «Т-34», стал буквально символом Второй мировой войны. Такая метафоризация военных действий заметно смещает смысловые акценты, в частности люди в романе начинают восприниматься не как ведущая действующая сила, а скорее как обслуживающий танки персонал и топливо для тотальной машины Войны.

В то же время автор подробно описывает ход второй половины Великой Отечественной войны, подробно отмечая наиболее значимые эпизоды (корсунь-шевченковскую наступательную операцию, висло-одерскую и пр.), описывает ужасы военной медицины, изменения в конструкции танков, быт танкистов, жизнь тыла, поведение советских войск в Польше и Германии. Л. Н. Скаковская, как и другие критики, достаточно высоко оценила реалистичность повествования: «в изображении человека на войне, его стремления к выживанию и цели писатель придерживается принципов последовательного реализма» [Скаковская 2015: 110].

¹ Например, такое: «все наши неудачи первых лет войны заключаются в самом простом объяснении: немцы умеют воевать. А мы – нет... само отношение к войне у нас разное: европеец шел на войну сражаться и побеждать. У нас огромную роль всегда играла жертвенность... есть вещи, которые на Жукова, на Тимошенко и даже на Сталина валить нельзя» – см. И. Бояшов. Танкист или «Белый тигр» (прим. 16) и др. – Текст романа цитируется по изданию Бояшов И.

Уже в заглавии романа представлен и ведущий конфликт и его главные участники: «Танкист или “Белый тигр”», где союз «или» подчеркивает ситуацию противопоставления. «Фэнтезийный эффект в романе достигается за счет введения отдельных мифологических мотивов и персонажей, а также путем обогащения конкретно-исторических образов универсальными смыслами и аналогиями. Война представлена как столкновение сверхъестественных сил, персонализированных образов Добра и Зла. С одной стороны – танкист, с характерным для русского национального менталитета именем Иван, воплощающий страдание и несгибаемость русского воинства. С другой – его противник, танк “Белый тигр” – методичный, беспощадный, сравниваемый с драконом – воплощение войска немецкого» – утверждает Д. В. Аристов [Аристов 2013: 18].

Реальное и сказочное в романе И. Бояшова причудливо переплетается. В первой части романа описывается история второго рождения или, скорее, воскрешения из мертвых безмянного танкиста. Он был найден ремонтниками в сгоревшей «тридцатьчетверке» после Прохоровского побоища [так в тексте – А. Л.] на Курской дуге. Обгоревшее тело еще не умерло и было отправлено в медсанбат, затем в уральский госпиталь. Автор подробно описывает, как медики отказывались лечить безнадежного, но он вопреки всем законам медицины продолжал жить: *«так как крест на безнадежном был поставлен после первого же осмотра, между врачами с тех пор заключались пари – сколько дней еще протянет несомненный уникам... феномен продолжал существовать посреди вакханалии Смерти. Танкиста прозвали Танатосом».*

Острая нехватка танкистов на фронте не позволила врачам комиссовать явного инвалида. Ему выдали документы на имя Ивана Ивановича Найденова и отправили в часть, где он начал военную карьеру с самой нижней точки: *«воплощение этой дикой войны записали в башнеры [заряжающие – А. Л.] – там нужна только грубая сила», но в ходе подготовки выяснилось, что «танкист был механиком и судя по всему, водителем от Бога!».* Он был назначен на машину командира бригады, но в первом же бою стало ясно, что Череп [его новая кличка – А. Л.] не слушает команд и сражается как одержимый: *«был невменяем и орудовал рычага-*

ми с упоением маньяка... – “Белый тигр!” – завывал Иван Иванович. Останавливать его было бессмысленно».

Так началась личная война Найденова с непобедимым вражеским супертанком. Гениальный Танкист одержимо бросается в гущу боя в надежде найти своего врага: *«то, что механик явно не в себе, было очевидно. Зато никто больше так не воевал... кончалось тем, что экипажи оставались гореть в разбитых машинах, а Ванька Смерть садился на новую. Штабное начальство гордилось им. Личный состав – от командира батальона и ниже – угрюмо его ненавидел», а «вскоре, уже среди немцев начала свое неизбежное хождение легенда о Мертвом Водителе».* Именно тогда ему дали новое прозвище – Ванька-Смерть.

Найденов по воле автора получил то, что в современных компьютерных играх называется сверхспособностью – умение общаться с танками: *«угадывал в привычном гудении двигателя никем не слышимый голос... всякий раз, за секунду до взрыва, Иван Иванович безошибочно распознавал люк – его предупреждали!».* Именно эта способность помогала Найденову выживать и побеждать там, где другие находили гибель.

Два поединка Танкиста с Белым тигром – центральные события в сказочной линии сюжета. Первая схватка состоялась в январе 1944-го, вторая – летом того же года. Белый Призрак [другое название Белого Тигра – А. Л.] объявился на Украине, и советское командование, считая его особой экспериментальной машиной Вермахта, решило противопоставить ему свой новый супертанк, а знаменитый Ванька-Смерть стал его командиром.

Этой битве, как и положено в сказках, предшествовала долгая подготовка: прошло совещание, маршал Жуков отдал приказ, танкостроители предложили новый танк, Найденова отправили в Нижний Тагил и сформировали экипаж. Далее под строжайшей охраной и в великой секретности они были доставлены на фронт. Затем способности танка и экипажа были испытаны маршалом Катуховым и началась охота на Тигра.

Разведка обнаружила место его последнего боя, была устроена засада, долго и безуспешно ждавшая Призрака. Благодаря способностям Найденова враг все же был найден и начался бой: *«танки, замерев, словно вкопан-*

ные, беспощадно избивали друг друга. Двухсотмиллиметровый лоб “эксперименталки” держался, однако и Белый Тигр оказался заговоренным». В первый раз Белый тигр победил и ушел, хотя и Найденов выжил. Далее он продолжал войну в общем строю и проявил себя как непревзойденный истребитель немецких самоходок. Теперь его «виртуозность спасала такое количество жизней, что, начиная с июля, Иван Иванович не вылезал из разведки. За честь пропускать на спрятанные “мардеры” уже основательно потренированный Ванькин танк боролись целые подразделения».

Второй поединок также был тщательно подготовлен и на этот раз происходил на глазах командования: «броня Призрака проседала от попаданий... Моторную сетку “Тигра” уже пробили лоскутки огня, щель механика разворотило, курсовой пулемет смяло целым вихрем осколков». На этот раз проигрывал немец, но у тридцатьчетверки разорвало ствол, и эта случайность позволила ему скрыться.

После этого «Белый тигр» уже не появлялся, и Найденов напрасно гонялся за ним до самого конца войны. Танкист и далее совершал многочисленные подвиги, массово истребляя немецкую технику всех видов, он сменил несколько машин и дошел до Праги, но после Победы сразу же оказался не у дел: «однопольчане продолжали гулять и пить, а Иван Иванович с тех пор копался в чужом обездвиженном танке... и о капитане забыли».

Затем на этом танке (довоенном легком чешском «Pz 35») он вновь (на этот раз один) отправился на поиски своего врага, присутствие которого внезапно почувствовал: «монстр ожидал теперь уже за Миловцем... танкист... не сомневался – для удара хватит и этой устаревшей, трогательной вагонетки. Достаточно и одного, пусть и 37-миллиметрового, “малыша”». В последнем эпизоде Найденов мчится в свой последний бой, а в засаде его ждут советские зенитки, готовые уничтожить «дезертира». Финал их поединка остается открытым: убьют ли героя свои или он все же сумеет прорваться и добить врага, можно только гадать.

В итоге напрашивается вывод, что в сражении Танкиста с «Белым тигром» решающую роль играет не техническое оснащение, а нечто мистическое, выходящее за рамки военной реальности. Так, Найденов дважды не смог победить Тигра, находясь за рычагами лучшей советской машины, а в последний бой он отправляется в одиночку на довоенном легком танке, но при этом вполне уверен в успехе.

Таким образом, в романе, как и было заявлено автором, реализованы два параллельных сюжета: реально-исторический и мифологический (скорее даже сказочный). В основе первого – история Великой Отечественной войны, в основе второго – фольклорный мотив поединка с чудовищем. Эти сюжеты переплетаются самым причудливым образом, образуя единую событийную фабулу, но не сливаются воедино. Следует отметить, что наиболее значимые эпизоды охоты за «Белым тигром» не соотносятся прямо с переломными моментами Войны, а Победа над фашистской Германией не связана непосредственно с уничтожением этого супертанка. Последний поединок Найденова с чудовищем (финал сказочного сюжета) выходит по времени за рамки окончания Великой Отечественной войны (сюжета хроникально-исторического), таким образом, конфликт Танкиста и «Белого тигра» приобретает универсальный вневременной характер, а Война, в изображении И. Бояшова, проходит не только в конкретно-историческом измерении, но и в пространстве духовно-мистическом.

Отмеченный параллелизм двух сюжетов закономерно влечет за собой двуплановость системы персонажей, где герои фантастические соседствуют с историческими лицами. Главный герой, танкист Найденов (он же Танатос, он же Череп, он же Ванька-Смерть), с его сверхчеловеческими способностями однозначно воспринимается как оживший покойник². По ходу сюжета герой прошел все стадии эволюции мифологического героя: от безнадежного полутрупа до героя войны,

² Автор утверждает, что прототипом его Найденова был обгоревший и безногий летчик Белоусов – см. Бояшов, И. «Быть литератором в современной России то же самое, что быть водителем...» // Читаем вместе. Навигатор в мире книг. 2009. № 2. С. 6–7. В. Танкист или «Белый тигр». Роман. СПб.: Лимбус Пресс; Издательство К. Тублина, 2008. URL: https://www.4italka.ru/proza-main/o_voyne/105039/fulltext.htm (дата обращения: 08.11.2022).

приговоренного к уничтожению собственными командирами.

Он был найден в сгоревшем танке и выжил вопреки прогнозам медиков, при этом полностью потерял память, лицо обгорело, имя установить не удалось, то есть как личность он все-таки погиб. Очевидно, что Найденов – не от мира сего и даже не вполне человек: *«этот, вытащенный каким-то чудом с того света, совершенно беспмятный мертвец не просто существовал – он жил [выделено автором – А. Л.] танками и войной»*. Он не чувствует холода, почти не нуждается в пище и сне, а главное, почти не общается с другими людьми: *«говорить с Черепом было и не о чем. Постоянно разглядывать лиловые рубцы и щели вместо рта и ноздрей никому не хотелось. Этот сумасшедший в одном расплывающемся по швам комбинезоне, безучастный к дождям и холоду, отворачиваясь от остальных, безучастно ел и пил, что дадут», «Иван Иванович не спал – он никогда не спал»*. Фактически герой живет в том самом метафизическом танковом мире, где правит особый танковый Бог, который *«представлялся [Найденову – А. Л.] огромным, бессмертным танкистом в обязательном танкошлеме»*.

Его антагонист, «Белый тигр», также не является обычным танком. Он появился в 1942 году вместе с другими танками Т-VI, получившими название «тигр», но с самого начала выделялся неуязвимостью и смертоносностью: *«монстр... свирепствовал то на Севере, то на Юге; повсюду за ним тянулся дым и смрад сгоревших машин... Летучий Голландец и здесь неизменно выделялся белой окраской... “Белый Тигр” оставался неуязвимым»*.

Советские и пленные немецкие инженеры в ходе долгих обсуждений убедительно доказывают, что существование такого танка технически невозможно, – так же, как невозможным было выживание Найденова с его девяностопроцентным ожогом. «Белый тигр» *«даже среди своих братьев... являлся особой машиной... словно по воздуху переносился – и расстреливал целые батальоны»*. Следует также отметить, что немцы сами не знали, кто создал этот танк, и боялись его ненамного меньше русских.

При этом «Белый тигр», несмотря на свои выдающиеся боевые качества, не сыграл особой роли в Войне. Иногда он появлялся в ходе

важнейших сражений, таких как танковая битва под Прохоровкой, и даже *«шел вперед своих боевых порядков, блестя латами, словно тевтонский рыцарь»*, но чаще действовал в одиночку: *«Призрак бил из засады, всякий раз, каким-то образом, оказываясь в русском тылу – и, наколотив десять, а то и пятнадцать “Т-34”, растворялся»*.

Очевидно, что цель «Белого тигра» состоит не в том, чтобы помочь Германии выиграть войну, а скорее в том, чтобы нести смерть. Характеристики, данные этому танку в тексте: монстр, Летучий Голландец и даже «порожденные Тьмы» – ясно указывают на природу этого чуда враждебной техники. Танк предстает как проекция неких таинственных сил, неподвластная своему командованию, так же как и неуправляемый и ненавидимый другими танкистами Найденов. В итоге эта пара реализует архетипичный мифологический конфликт Чудовища и Героя, выжившего, чтобы отомстить.

Реально-исторический сюжет представлен героями второго плана, где исторические лица (маршалы Жуков, Катуков, Рыбалко и др.) дополняются второстепенными вымышленными персонажами: командир танковой бригады по кличке Козья Ножка; лейтенант Колядко, один из командиров экипажей, погубленных Ванькой Смертью; политрук Бубенцов; особист с говорящей фамилией Сукин, разведчик Федотов, *«фронтной майор, внешне расслабленный, но готовый в любой момент играючи перегрызть человеку горло»* и др. Их главная функция – моделирование образа воюющей страны и армии. Они также обеспечивают правдоподобие и реалистичность повествования. Здесь И. Бояшов в целом следует сложившейся традиции военной прозы, но можно все же отметить некоторые особенности.

Прежде всего, это полное отсутствие поляризации. Т. Н. Маркова отметила, что «согласно канону... советский солдат должен был бы предстать Воином Света, а его противник – воплощением Зла... Но Бояшов сохраняет эпическую беспристрастность, не нагружая свой роман идеологией» [Маркова 2019: 156]. Отсутствие идеологии в данном случае реализуется через деперсонафикацию образа врага. Немцы выступают или как отдельные

пленные, уже не вызывающие враждебности, или как безликая масса. В тексте упоминаются знаменитые немецкие герои (Рудель, Хартман, Виттман и др.), но и они активной роли не играют, просто символизируют мощь Вермахта. Именно это обстоятельство противоречит заявленному в основном сюжете конфликту Добра и Зла, в системе персонажей нет однозначной поляризации плохих немцев и хороших советских бойцов. В частности, практически не звучит тема немецких зверств – за исключением злодейств «Белого тигра».

Красная армия и тыл представлены через обобщенное описание групп и отношений, например: *«смазливенькие связистки и санитарки... Фронтовые “фемины” в любой момент готовы были отдаться домовитым, словно хомяки, тыловым майорам. А вот безымянные башенеры и водители гарантированно лишились ласки – на них не стоило даже тратить время. Все знали – во время боев они сгорают, словно бенгальский огонь»* – здесь в одном абзаце собрана вся изнанка Войны: и расчетливые женщины на фронте, и вороватые интенданты, и обреченные на смерть фронтовики. Здесь автор следует уже сложившейся традиции постперестроечной военной прозы, ориентированной на изображение «горькой окопной правды». Стоит отметить, что в изображении этой «правды» И. Бояшов достаточно сдержан, в частности он вполне комплементарно показывает советских маршалов (Жукова, Катукова, Ротмистрова, Рыбалко), изображая их адекватными и компетентными полководцами – такую манеру повествования действительно можно считать «эпически беспристрастной».

Но в содержании романа есть еще одна тема, привлекающая особое внимание читателей и критиков. «Наши в “Танкисте” – далеко не ангелы, а пьяницы, насильники и мародеры – в общем, люди как люди. Не лучше и не хуже немцев» – пишет критик В. Бабицкая [Бабицкая 2008]. И здесь на первый план выходят еще два героя, занимающие, на наш взгляд, промежуточное положение в системе персонажей. Воевать на танке в одиночку невозможно, а каждому сказочному герою полагаются волшебные помощники, и такие помощники у Найденова появляются – это его экипаж, башенный стрелок сержант Крюк и

заряжающий старшина Бердыев, выбранные командованием для нового экспериментального танка.

Эти герои тоже не совсем от мира сего, хотя и в другом роде: «экипаж героя состоял у меня из духов войны. Заряжающий Бердыев – дух пьянства... наводчик Крюк – дух откровенного мародерства и насилия... Таким образом, и Ванька, и его экипаж, ко всему прочему, поделились мне еще и этикими всадниками Апокалипсиса» [Бояшов 2016: 338] – так объяснил природу своих героев автор. Действительно, заряжающий Бердыев оказался запойным пьяницей, который, однако, *«ухитрялся заряжать орудие за пять секунд... хотя остальные смертные шкурой знали – хорошо поддать перед боем, значит, наверняка поставит на жизни крест»*. Кроме того, он *«не угорал во время самого длительного боя, когда от скопившихся в башне газов замертво валились командир с наводчиком»*.

Сержант Крюк, в свою очередь, *«до отвращения не любил боев и походов, но, при всем при этом, оказался талантливым совратителем попадавших в его руки медсестер и колхозниц... Его давно бы поставили к стенке, но Крюк считался лучшим танковым снайпером, какого только могли отыскать на фронтах»*. Другое его призвание – грабеж: *«наводчик успевал шерстить и хижины и дворцы. В Западной Белоруссии он не гнушался содержанием простых крестьянских буфетов, но стоило на горизонте появиться костелам и замкам, вошел в аристократический вкус. Из мешков теперь высовывались не сермяжная “домотканка”, а массивные золоченые рамы и серебряные канделябры»*.

В создании этих образов автор использует преимущественно прием гиперболизации, так как приписываемые Крюку и Бердыеву грехи и таланты далеко выходят за пределы человеческих возможностей. Так, стрелок Крюк обслужил всех работниц танкового завода, а на фронте изнасиловал тысячи женщин, не пощадив даже девяностолетнюю немецкую фрау: *«к концу временного простоя на Одере счет благодетельствованных Крюком “фрау” и “фрейлен” шел уже на десятки, а количество рассованного по противогазным сумкам золотишка приближалось чуть ли не к килограмму»*. Мародер Крюк превратил танк в передвижной склад награбленного, так что *«вся эта гора, облепившая танк со всех сторон, стала мешать*

повороту башни». Бердыев, в свою очередь, пил непрерывно и даже сумел пережить отравление метиловым спиртом.

Из всех героев романа только эта пара может претендовать на звание отрицательных. Элемент сказочности ясно просматривается в этих образах, но авторская версия с «Всадниками Апокалипсиса» вряд ли может их объяснить – хотя бы потому, что Всадников должно быть четверо, так же как и танковый экипаж должен включать еще одного человека. Есть и другие нестыковки. Так, Бердыев, всего лишь заряжающий, оказывается целым старшиной – совершенно избыточное для его должности звание (!). Само нагнетание неправдоподобных и чрезмерных подробностей (изнасилованные девятидесятилетние фрау, килограммы золота, канистры спирта и т. д.) позволяет предположить, что И. Бояшов сознательно доводит эти образы до абсурда.

Они также фантастичны, как и их командир, но природа их фантастичности совершенно иная, чем в образах заглавных, так как здесь автор использовал миф не фольклорно-архетипичный, а миф исторический. Это метод интерпретации истории, в котором «исторические события, представленные в исторических фактах, из которых состоит ткань истории, символизируются» [Цыганков 2014: 22]. Следует учитывать, что «идейная составляющая мифа... нередко служит той матрицей, в соответствии с которой подбираются исторические факты, статистические данные и т. д.» [Фишман 2006: 84]. Великая Отечественная война – один из таких мифов, трактовка и интерпретация которых определяется актуальной политической повесткой.

В частности, «героизированный образ Великой Отечественной войны... характерен для сознания 40–50-х гг. ... На рубеже 50–60-х и 80–90-х гг. ... имела место инверсия общественного сознания, значительное распространение получал критический тип исторического сознания, в котором доминировала тенденция к переоценке исторических событий, в том числе Великой Отечественной войны» [Дружба 2000]. Эта переоценка включала как демифологизацию героизированного в 1940–1950-е гг. образа Войны, так и распространение антисоветских пропагандистских мифов, например таких как «два миллиона

изнасилованных немок» и «тотальное мародерство и ограбление Германии» [см. Сенявская 2020]. Сержант Крюк, как и было задумано автором, выступает как символ советского солдата – насильника и грабителя – такой популярный в 1990-х и начале 2000-х годов. Образ горького пьяницы русского (хотя в данном случае представлен якут) еще более древний и востребованный.

Насколько серьезно относится к ним автор? Это вопрос дискуссионный, но в примечаниях он писал, что **«были многочисленные случаи изнасилований и убийств (впрочем, союзники грешили тем же). Были грабежи, поджоги, и вандализм, хотя, по многочисленным свидетельствам, подобным занимались в основном тыловые части, следовавшие за Армией, а также освобожденные узники (поляки, французы) и, в некоторых случаях, сами немцы»** (прим. 41). Кроме того, советское командование в романе подобные эксцессы стремилось пресекать, то есть, по мнению автора, нормой жизни военные преступления все же не являлись. Контрразведка и командование не раз пытались привлечь насильника и мародера Крюка к ответственности, но гениальный стрелок был нужен и его прощали. Однако вскоре после Победы он был расстрелян: *«сержант взялся за прежнее... Двух местных пани, "взятых на штык" с особым цинизмом (одну из них гвардеец случайно убил при попытке к бегству), хватило для окончательного вывода. Крюк во всем раскололся и сам навел на не нужное больше золото, заставив онеметь трибунал*». Бердыев, в свою очередь, вскоре отравился метиловым спиртом – таков был бесславный конец героического экипажа.

В конечном итоге можно сделать вывод, что провокативные и гиперболизированные образы Бердыева и Крюка являются не архетипичными сказочными персонажами-помощниками и не идеологизированной карикатурой на бойцов Красной армии, а пародией на многочисленные антисоветские пропагандистские штампы, очень популярные на рубеже XX–XXI веков. Позиция автора в данном случае представляется действительно объективной, поскольку он не умалчивает о негативных явлениях, но и не выдвигает их на первый план – не следует все же забывать, что в паре «Герой и Чудовище» Героем является советский танкист.

Есть в романе и другие популярные мифы о войне. В частности, очень громко звучит мотив «цены Победы», то есть неоправданно высоких потерь Красной армии. Война в целом представлена И. Бояшовым как «ваханалия Смерти», используются также выражения «бойня», «старуха-война», «костлявая» и т. п. Начинается роман с описания последствий «*Прохоровского побоища*», где в «*очередной растерзанной “тридцатьчетверке”*» был найден обгоревший танкист; далее описываются ужасы фронтовой медицины: «*в грязном полевом госпитале, где беспрестанно доставляемые с передовой раненые корчились прямо на разбросанной по земле соломе, прежде чем их рассортируют – счастливых в хирургическую палатку, безнадежных в ставший бурным от крови, унылый лесок*».

Танк «Т-34» представлен как колесница Смерти: «*врезаясь в колонны и сминая бегущую навстречу человеческую массу... “коробка” плясала на человеческих костях. Это было настоящим заклинанием*», однако и жизнь танкистов (за исключение главного героя) очень коротка: «*три-четыре недели дурной подготовки и фронт, а там уже после первого боя “тридцатьчетверка”, хорошо еще, что дотла не сгорала. Тех, кто высккивал, вновь перемешивали – и запускали в дело*». Благодаря такому стилю изображения Война приобретает универсальный метафизический характер, а содержание романа – неповторимый мистический колорит, однако И. Бояшов, как уже было отмечено, не обвиняет советских маршалов в некомпетентности и стремлении «завалить врага трупам», напротив, он утверждает, что «*есть вещи, которые на Жукова, на Тимошенко и даже на Сталина валить нельзя*» (прим. 16).

Анализ текста позволяет утверждать, что при создании романа автор не столько «вымысел “намазывал” на правду», сколько играл с архетипичными и историческими мифами и мистифицировал читателя. Это, так же как использование фантастических допущений и обильное цитирование, является скорее приемами постмодернистскими, поэтому роман «Танкист или “Белый тигр”» следует считать постмодернистским историческим романом. Литературовед Д. А. Маркова к их числу относит роман С. Ануфриева и П. Пепперштейна «Мифогенная любовь каст», где вся Великая Отечественная война представлена как

сражение сказочных героев (Колобка, Винни-Пуха, Карлсона и пр.). В «Танкисте...», как и в «Мифогенной любви каст», «воплощено двойственное отношение к Великой Отечественной войне человека 90-х годов, который воспринимает ее и как историческое событие, относящееся к каждому из нас, и как миф, значимый, но отчужденный от него лично» [Маркова 2004: 16]. Н. В. Ковтун полагает, что в «в парадигму образа воина включены символы мировой культуры/памяти: «Череп как воплощение Смерти, “бригадный юридивый”, что служит “танковому Соваофу”, Летучий Голландец, Горгона Медуза, Идиот, Спиноза, Башмачкин, Кощей Бессмертный, Акакий Акакиевич, для которого танк и есть шинель. Не менее насыщены и образы сопровождающих Ваньку героев-трикстеров – Крюка и Якута, за плечами которых маячат Гвардеец, “химера войны” и “якутский Будда”, “многорукый Шива”. Олицетворение апокалиптического Зверя – чудовищный танк – ассоциируется в романе с Голиафом, Циклопом, Драконом» [Ковтун 2020: 19].

Таким образом, в системе персонажей романа органично сочетаются четыре типа героев: исторические лица, вымышленные герои, мифологизированная архетипичная пара антагонистов: бессмертный Танкист – «Белый тигр» как символ Красной армии и германского Вермахта, а также два героя, пародирующих антисоветские военные мифы. Такая сложная и эклектичная структура обусловлена двойственностью сюжета. В конечном итоге она переносит события из конкретно-исторического мемуарного и автобиографического пространства памяти, характерного для военной прозы XX века, в дискурсивное поле героических военных мифов, идеологизированных метафор и пропагандистских штампов века XXI, поэтому здесь можно отметить «полемическую реплику в отношении традиционной военной героики советской литературы 40–50-х гг.» [Рощина 2018: 41]. Это общая тенденция, так как авторы 2000-х годов, по мнению Н. В. Ковтуна, видят войну «через призму культурной мифологии, литературной традиции» [Ковтун 2020: 19].

Роман «Танкист или Белый тигр», на наш взгляд, представляет собой новую попытку «приблизить к себе историю, определенное

историческое событие, вернуть его из состояния застывшего монумента, памятника в сфере актуальных переживаний автора и читателя», о которой писала в 2004 году Д. А. Маркова применительно к роману «Мифогенная любовь каст» [Маркова 2004: 16]. Постмодернистская интерпретация Великой Отечественной войны И. Бояшова 2008-го года продолжает эту традицию, в

которой мифологизация и гиперболизация обеспечивают чрезвычайно провокативный эффект, но в конечном итоге возвращают этой теме эмоциональное личностное восприятие современным читателем – в чем, вероятно, и состоял замысел автора.

ЛИТЕРАТУРА

Аристов, Д. В. Русская батальная проза 2000-х годов: традиции и трансформации : дис. ... канд. филол. наук / Аристов Д. В. – Пермь : [б. и.], 2013. – 191 с.

Бабицкая, В. «Танкист или Белый тигр» Ильи Бояшова / В. Бабицкая. – Текст : электронный. – URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/40/> (дата обращения: 08.11.2022).

Бояшов, И. В. «Быть литератором в современной России то же самое, что быть водителем...» / И. В. Бояшов // Читаем вместе. Навигатор в мире книг. – 2009. – № 2. – С. 6–7.

Бояшов, И. В. Танкист или «Белый тигр». Роман / И. В. Бояшов. – СПб. : Лимбус Пресс ; Издательство К. Тублина, 2008. – URL: https://www.4italka.ru/proza-main/o_youne/105039/fulltext.htm (дата обращения: 08.11.2022). – Текст : электронный.

Бояшов, И. В. Танкист или «Белый тигр» / И. В. Бояшов // Труды Пушкинского дома : сборник / ред. Е. Водолазкин. – СПб. : Росток, 2016. – С. 336–338.

Волкова, В. Б. Концептосфера современной военной прозы : дис. ... д-ра филол. наук / Волкова В. Б. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – 591 с.

Гликман, К. Троица Ильи Бояшова, или Чего хотят воины / К. Гликман. – Текст : электронный // Новый мир. – 2009. – № 9. – URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/9/gli16.html (дата обращения: 08.11.2022).

Данилкин, Л. А. Илья Бояшов «Танкист, или “Белый тигр”» / Л. А. Данилкин // Нумерация с хвоста. Путеводитель по русской литературе. – М. : АСТ ; Астрель, 2009. – С. 61–65.

Дружба, О. В. Великая Отечественная война в историческом сознании советского и постсоветского общества : дис. ... д-ра ист. наук / Дружба О. В. – Ростов-на-Дону : [б. и.], 2000. – URL: <https://www.disscat.com/content/velikaya-otechestvennaya-voyna-v-istoricheskom-soznanii-sovetskogo-i-postsovetskogo-obshches> (дата обращения: 17.07.2019). – Текст : электронный.

Задонская, Е. В. Авторские стратегии в современной военной прозе : дис. ... канд. филол. наук / Задонская Е. В. – Тверь, 2017. – 156 с.

Зубков, В. А. Поворот русла. Проза о Великой Отечественной войне сегодня / В. А. Зубков. – Текст : электронный // Вопросы литературы. – 2011. – № 6. – С. 473–486. – URL: <https://voplit.ru/article/povorot-rusla-proza-ovelikoj-otechestvennojvojnsegodnya/> (дата обращения: 08.11.2022).

Кисель, А. Маленькая книга. О прозе Ильи Бояшова / А. Кисель. – Текст : электронный // Октябрь. – 2008. – № 11. – URL: <https://magazines.gorky.media/october/2008/11/malenkaya-kniga.html> (дата обращения: 08.11.2022).

Ковтун, Н. В. Тема памяти в современной прозе о Великой Отечественной войне / Н. В. Ковтун // Культура и текст. – 2020. – № 4 (33). – С. 6–24.

Кузнецова, А. Илья Бояшов. Танкист, или «Белый тигр» / А. Кузнецова. – Текст : электронный // Знамя. – 2008. – № 11. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2008/11/anna-kuzneczova-44.html> (дата обращения: 08.11.2022).

Маркова, Д. А. Постмодернистский исторический дискурс русской литературы рубежа XX–XXI веков и его истоки : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Маркова Д. А. – М. : [б. и.], 2004. – 24 с.

Маркова, Т. Н. Художественные реконструкции Великой Отечественной войны в современной массовой литературе. От «окопной правды» к фантазиям на военные темы / Т. Н. Маркова // Научный диалог. – 2019. – № 12. – С. 152–160.

Рощина, О. С. Героическая художественность в постсоветской литературе / О. С. Рощина // Новый филологический вестник. – 2018. – № 1 (44). – С. 39–47.

Сенявская, Е. С. «Вас соблазняют немки, мужа которых обошли все публичные дома Европы...». Освобождение Европы от фашизма Красной Армией в 1944–1945 гг. в свете новых архивных документов / Е. С. Сенявская // Уральский исторический вестник. – 2020. – № 3 (68). – С. 99–106.

Скаковская, Л. Н. Военная проза начала XXI века: темы, идеи, образы / Л. Н. Скаковская // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2015. – № 1. – С. 107–113.

Тагильцев, А. В. Альтернативно-фантастические романы В. Полищука и историко-документальные нарративы о Великой Отечественной войне / А. В. Тагильцев // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории : сборник статей. Ч. 2 / под ред. С. А. Минюровой, Ю. И. Биктуганова, М. В. Богинского. – Екатеринбург : УрГПУ, 2020. – С. 258–264.

- Фишман, Л. Г. Политический миф и идеология: опасное сближение? / Л. Г. Фишман // Полис. Политические исследования. – 2006. – № 4. – С. 74–86.
- Фрумкин, К. Г. Альтернативно-историческая фантастика как форма исторической памяти / К. Г. Фрумкин // Историческая экспертиза. – 2016. – № 4. – С. 17–28.
- Цыганков, А. С. Феномен мифологизации событийной истории / А. С. Цыганков // Вестник Челябинского государственного университета. Философия. Социология. Культурология. – 2014. – № 11 (340), вып. 32. – С. 21–27.
- Чупринин, С. И. Нулевые: годы компромисса / С. И. Чупринин. – Текст : электронный // Знамя. – 2009. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/2/nulevye-gody-kompromissa.html> (дата обращения: 08.11.2022).

REFERENCES

- Aristov, D. V. (2013). Russkaya batal'naya proza 2000-kh godov: traditsii i transformatsii [Russian Battle Prose of the 2000s: Traditions and Transformations]. Dis. ... kand. filol. nauk. Perm. 191 p.
- Babitskaya, V. (2008). «Tankist ili Belyi tigr» Il'i Boyashova [I. Boyashov's Novel The Tankman or 'The White Tiger']. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/40/> (mode of access: 08.11.2022).
- Boyashov, I. V. (2008). Tankist ili «Belyi tigr». Roman [The Tankman or 'The White Tiger'. Novel]. Saint Petersburg, Limbus Press, Izdatel'stvo K. Tublina. URL: https://www.4italka.ru/proza-main/o_voynе/105039/fulltext.htm (mode of access: 08.11.2022).
- Boyashov, I. V. (2009). «Byt' literatorom v sovremennoi Rossii to zhe samoe, chto byt' voditelem...» [“Being a Writer in Modern Russia is the Same as Being a Driver...”]. In Chitaem vmeste. Navigator v mire knig. No. 2, pp. 6–7.
- Boyashov, I. V. (2016). Tankist ili «Belyi tigr» [The Tankman or 'The White Tiger']. In Vodolazkin, E. (Ed.). Trudy Pushkinskogo doma: sbornik. Saint Petersburg, Rostok, pp. 336–338.
- Chuprinin, S. I. (2009). Nulevye: gody kompromissa [Zero: Years of Compromise]. In Znamya. No. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2009/2/nulevye-gody-kompromissa.html> (mode of access: 08.11.2022).
- Danilkin, L. A. (2009). Il'ya Boyashov «Tankist, ili “Belyi tigr”» [Ilya Boyashov Tankman, or 'White Tiger']. In Numeratsiya s khvosta. Putevoditel' po russkoi literature. Moscow, AST, Astrel', pp. 61–65.
- Druzhba, O. V. (2000). Velikaya Otechestvennaya voina v istoricheskom soznanii sovetskogo i postsovetskogo obshchestva [The Great Patriotic War in the Historical Consciousness of Soviet and Post-Soviet Society]. Dis. ... d-ra ist. nauk. Rostov-on-Don. URL: <https://www.dissercat.com/content/velikaya-otechestvennaya-voina-v-istoricheskom-soznanii-sovetskogo-i-postsovetskogo-obshches> (mode of access: 17.07.2019).
- Fishman, L. G. (2006). Politicheskii mif i ideologiya: opasnoe sblizhenie? [Political Myth and Ideology: A Dangerous Rapprochement?]. In Polis. Politicheskie issledovaniya. No. 4, pp. 74–86.
- Frumkin, K. G. (2016). Al'ternativno-istoricheskaya fantastika kak forma istoricheskoi pamyati [Alternative Historical Fiction as a Form of Historical Memory]. In Istoricheskaya ekspertiza. No. 4, pp. 17–28.
- Glikman, K. (2009). Troitsa Il'i Boyashova, ili Chego khotyat voiny [Ilya Boyashov's Trinity, or What the Warriors Want]. In Novyi mir. No. 9. URL: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2009/9/gl16.html (mode of access: 08.11.2022).
- Kisel, A. (2008). Malen'kaya kniga. O proze Il'i Boyashova [A Small Book. About Ilya Boyashov's Prose]. In Oktyabr'. No. 11. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2008/11/malenkaya-kniga.html> (mode of access: 08.11.2022).
- Kovtun, N. V. (2020). Tema pamyati v sovremennoi proze o Velikoi Otechestvennoi voine [The Theme of Memory in Modern Prose about the Great Patriotic War]. In Kul'tura i tekst. No. 4 (33), pp. 6–24.
- Kuznetsova, A. (2008). Il'ya Boyashov. Tankist, ili «Belyi tigr» [Ilya Boyashov. Tankman, or “White Tiger”]. In Znamya. No. 11. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2008/11/anna-kuznetsova-44.html> (mode of access: 08.11.2022).
- Markova, D. A. (2004). Postmodernistskii istoricheskii diskurs russkoi literatury rubezha XX–XXI vekov i ego istoki [Postmodern Historical Discourse of Russian Literature at the Turn of the 20th–21st Centuries and Its Origins]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Moscow. 24 p.
- Markova, T. N. (2019). Khudozhestvennye rekonstruktsii Velikoi Otechestvennoi voiny v sovremennoi massovoi literature. Ot «okopnoi pravdy» k fantaziyam na voennye temy [Artistic Reconstructions of the Great Patriotic War in Modern Mass Literature. From the “Trench Truth” to Fantasies on Military Topics]. In Nauchnyi dialog. No. 12, pp. 152–160.
- Roshchina, O. S. (2018). Geroicheskaya khudozhestvennost' v postsovetskoj literature [Heroic Artistry in Post-Soviet Literature]. In Novyi filologicheskii vestnik. No. 1 (44), pp. 39–47.
- Senyavskaya, E. S. (2020). «Vas soblaznyayut nemki, muzh'ya kotorykh oboshli vse publichnye doma Evropy...». Osvozhdenie Evropy ot fashizma Krasnoi Armiei v 1944–1945 gg. v svete novykh arkhivnykh dokumentov [“You are Being Seduced by German Women Whose Husbands Have Visited All the Brothels in Europe...”. Liberation of Europe from Fascism by the Red Army in 1944–1945 in the Light of New Archival Documents]. In Ural'skii istoricheskii vestnik. No. 3 (68), pp. 99–106.
- Skakovskaya, L. N. (2015). Voennaya proza nachala XXI veka: temy, idei, obrazy [Military Prose of the Beginning of the 21st Century: Themes, Ideas, Images]. In Vestnik TvGU. Seriya «Filologiya». No. 1, pp. 107–113.
- Tagitsev, A. V. (2020). Al'ternativno-fantasticheskie romany V. Polishchuka i istoriko-dokumental'nye narrativy o Velikoi Otechestvennoi voine [Alternative Fiction Novels by V. Polishchuk and Historical and Documentary Narratives

about the Great Patriotic War]. In Minyurova, S. A., Biktuganov, Yu. I., Boginsky, M. V. (Eds.). *Velikii podvig naroda po zashchite Otechestva: vekhi istorii: sbornik statei. Part 2.* Ekaterinburg, UrGPU, pp. 258–264.

Tsygankov, A. S. (2014). Fenomen mifologizatsii sobytiinoi istorii [The Phenomenon of Mythologization of Event History]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Kul'turologiya.* No. 11 (340). Issue 32, pp. 21–27.

Volkova, V. B. (2014). Kontseptosfera sovremennoi voennoi prozy [The Conceptosphere of Modern Military Prose]. Dis. ... d-ra filol. nauk. Ekaterinburg. 591 p.

Zadonskaya, E. V. (2017). Avtorskie strategii v sovremennoi voennoi proze [Author's Strategies in Modern Military Prose]. Dis. ... kand. filol. nauk. Tver. 156 p.

Zubkov, V. A. (2011). Povорот rusla. Proza o Velikoi Otechestvennoi voine segodnya [The Turn of the Riverbed. Prose about the Great Patriotic War Today]. In *Voprosy literatury.* No. 6, pp. 473–486. URL: <https://voplit.ru/article/povорот-rusla-proza-o-velikoj-otechestvennojvoine-segodnya/> (mode of access: 08.11.2022).

Данные об авторе

Лобин Александр Михайлович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, литературы и журналистики, Ульяновский государственный педагогический университет имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия).

Адрес: 432071, Россия, Ульяновск, площадь Ленина, 4/5.

E-mail: amlobin@yandex.ru.

Дата поступления: 11.01.2023; дата публикации: 30.03.2023

Author's information

Lobin Aleksandr Mikhailovitch – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Department of Russian Language, Literature and Journalism, Ulyanovsk State Pedagogical University named after I. N. Ulyanov (Ulyanovsk, Russia).

Date of receipt: 11.01.2023; date of publication: 30.03.2023